

БОЛЬШОЕ ИСКУССТВО

Представьте весеннюю Москву 1931 года. Тогда в Мамонтовском садике [теперь переехавший Садовники] строил сарай задний, в котором размещался Центральный Дом художественного воспитания Детей. В нем сектором детского театра заведовала Лелюха Густавовна Шлет. Это она однажды позвала молодому артисту МХАТа Сергею Владимировичу Образцову и предложила совместно организовать первый в нашей стране кукольный театр. Сегодня Л. Г. Шлет — помощник главного режиссера по литературной части — у нас в гостях. Она рассказывает о всемирно известном театре Государственного Центрального театра кукол под руководством народного артиста СССР С. В. Образцова.

ОСЕНЬЮ 1931 года в маленькой комнате собрался весь коллектив нового театра: шесть актеров, три музыканта, художник, столяр и портниха.

И еще было два человека. Про них надо говорить отдельно. Это И. А. Зайцев и его жена А. Д. Трифонова. Ему было 75 лет, ей 60. Последние могилы армяночного балагана, последние актеры народного кукольного театра. В детстве и юности Зайцев выступал как «каучуковый» мальчик, «шпагоголотель», «спожиратель огня». Он умел показывать фокусы, играть марionетками веселые цирковые сценки и с каким-то особым, необыкновенным мастерством разыгрывать приключения народного Петрушки. Всех кукол Зайцев сам вырезал из дерева. Много десятилетий бродил этот человек по дорогам России, показывая свое искусство, а последние годы жизни давал сольные представления уже как актер театра кукол. Словом, это был прирожденный кукольник.

Если же говорить о С. В. Образцове, то его путь в театр кукол во многом определил случай. Сын инженера, он в 1920 году стал студентом Высших художественно-технических мастерских. Учился на отделении живописи, а по вечерам посещал философский факультет Московского университета. Вот как рассказывает сам Сергей Владимирович о том далеком периоде своей жизни: «Все мы для заработка рисовали плакаты, делали макеты. И вот я предложил двум моим товарищам по мастерской попороть делать забавных кукол на продажу. Не знаю, плохо ли я умел торговать или покупатели не нашли ничего полезного и забавного в моей кукле, но только ее никто у меня не купил. Я ее оставил себе, и это

был первый герой моего будущего театра, хотя в то время я не придавал кукле никакого значения и не мог предположить, что маленький тряпичный негритечек определит в дальнейшем мою работу.

Наша семья, как и семьи многих москвичей, пила дрова для «буржуек». Делалось это дружно и весело, и, возвращаясь с топорами и пилами домой, мы обычно пели песни. Я запомнил. Когда человек хоть мало-мальски поет, обязательно кто-нибудь да скажет, что ему надо учиться и идти в оперу. Никакого голоса у меня не было и нет. Но меня все-таки убедили в том, что я должен учиться, и я поступил в частную «консерваторию», где преподавали романсы, пение, балет и даже драму. Осенью 1922 года меня приняли по конкурсу в музыкальную студию МХАТа.

Сергей Образцов успешно дебютировал в театре, он издал на гастроли в Аштерку, но увлечение куклами не давало ему покоя. В кармане пальто он носил двух маленьких кукол-обезьянок, которых сам сделал. Потом он смастерил еще несколько кукол и начал показывать их на концертах. Тогда-то состоялось наше знакомство и появился первый кукольный театр.

У каждого театра должно быть свое кредо. Мы тоже придумали кредо: «Не будем играть куклами то, что люди сыграли бы лучше». Ведь в кукольном театре можно ставить такие спектакли, какие нельзя осуществить ни в одном другом. Представьте, что какой-нибудь режиссер оперы, драмы или балета решил, что очень выгодно будет, если герой спектакля выйдет на сцену на лошади. И что же? Зрители в эту минуту думают уже не об актере, а о том, где достали лошадь. И еще о том, как эта лошадь будет вести себя. Условный закон сцены разрушается.

В кукольном же спектакле человек-кукла и лошадь-кукла встречаются на равных правах, совсем не дискредитируя друг друга. Значит, любой персонаж возможен в кукольном театре: человек, кошка, черт, ангел, олень, крыса. Кто хочет. Целый пласт литературы — народная сказка — нигде не может воплотиться в зрительные пластические образы так правдиво и так органично, как в кукольном театре. А народная сказка — это драгоценность каждой нации в ней и фантазия, и ум, и талант народа.

Но дело, конечно, не только в сказке. Всякое явление жизни, обобщенное искусством до символа, до инсценировки, может стать поводом для создания спектакля в театре кукол. Если есть в литературе Свифт и Гомер, Лафонтен и Маяковский, если есть в живописи Босх и Эль Греко, то среди всех видов театра должен быть театр кукол. Он не может не быть, потому что обла-

дает огромной силой обобщения. И сила эта в наибольшей степени проявляется на двух полюсах искусства — в романтической героике и в сатире.

Сначала мы играли исключительно для детей. Большим успехом у маленьких зрителей неизменно пользовались спектакли «По щучьему велению», «Каштанка», «Кот в сапогах». Хотя здесь надо бы сделать оговорку. Актер и режиссер Е. Сперанский рассказывал экизод, когда во время войны в Архангельском интерклубе моряков наши артисты давали «Кота в сапогах». И английские моряки, отнюдь не школьники младшего возраста, притом не понимающие ни слова по-русски, встретили спектакль бурной овацией.

Поэтому, ставя свой первый спектакль для взрослых — «Волшебная лампа Аладина», мы исходили из того, что принципиальной разницы в восприятии взрослого и детского зрителя нет и быть не может. Другое дело, что «потрясти» сердца детей можно легче, ибо дети гораздо непосредственнее. Нашей задачей стало найти путь и к сердцу взрослого зрителя, нащупать, где у него «слабое место» по части кукольно-трогательного.

Практика показывает, что у взрослых наибольший успехом пользуются сатирические спектакли, такие, как «Под шорох твоих ресниц», «Необыкновенный концерт», «Чертова мельница», «Мой, только мой», «Божественная комедия», «И-го-го». Они долго не сходят со сцены. Наш маленький зал просто не в силах вместить всех желающих посмотореть спектакли. Сейчас, правда, для театра строится новое здание. В нем будут две сцены, два зрительных зала, большая мастерская, музей, зимний сад и т. д.

Нас часто спрашивают, в чем коренное отличие актерской игры в драматическом театре от игры в театре кукол. В том, конечно, что актер у нас имеет не непосредственный контакт со зрителем, а через куклу. Самого актера публика видит лишь в конце спектакля. Так что «блистать на сцене» нам не приходится. У нас в театре по этой причине работают только большие энтузиасты-кукольники.

В день основания Центрального театра кукол в 1931 году нас было всего 12 человек. Сейчас нас более 200. За это время сыграно около 30 тысяч спектаклей. Мы давали их в 350 городах СССР и в 100 зарубежных. Наши куклы облетали полмира, завоевывали сердца зрителей, простых людей всех возрастов и национальностей, содействуя укреплению дружбы между народами, пропагандируя светлое и жизнеутверждающее искусство Страны Советов.

6 АВГ 1968

ВОДНЫЙ ТРАНСПОРТ.
Г. МОСКВА